

1917

Чрезвычайная Следственная Комиссия для
разслѣдованія противозаконныхъ по должно-
сти дѣлѣній бывшихъ министровъ и прочихъ
высшихъ должностныхъ лицъ.

Следственная часть № 4

ДѢЛО

о безвѣн председателе Совета министров -
министре внутреннихъ делъ Р. В. ШТРАУБЕРГЕ и
военномъ министре А. С. ДУВАКОВЕ, обвиняемыхъ
въ насильственномъ призывѣ туркмен, калмы-
ковъ и лицъ др. национальностей для работъ
въ тылу Красной Арміи.

ГАРФ

№ 417

Начало 1917

Конецъ 1917

ГАРФ
№ 417

№ 233

Показание бывшего военного губернатора Ферганской области
генерал-лейтенанта Гиндуса.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Объяснение бывших в Туркестане в 1916 году беспорядков
в арсизе революционного брожения среди русо-
ских мусульман.

Следует, прежде всего, обратить внимание, что каковы лица издают такое объяснение, поскольку эти лица компетентны в высказывании суждений по делам в Туркестане, и нет ли у них каких-нибудь посторонних оснований, с точки зрения или профессиональных интересов для того, чтобы стремиться представить бывшие события в свете причин революционного мятежничества?

Вот имена лиц, приложивших свои старания к возобладанию такой версии: товарищ прокурора Скобелевского Округного Суда Франкель; прокурор Ташкентской Судебной Палаты Маллер; Начальник Туркестанского Охранного Отделения ведомственный Зигорах; перебежчик в 1916 году свое фамилию на русское "Славин", его проследил в 1916 году подполковник Волков и Помощник Туркестанского генерал-губернатора, временно исправлявший должность генерал-губернатора генерал М.Р. Бросов.

Франкель - еще молодой человек, прибывший на службу в Фергану в 1915 году из Семиреченской области, где также служил воеводой, а в Семиреченская область, населенная киргизами и русскими представляется собой мало подходящую почву для возбуждения над душой мусульман, ибо киргизы вообще не фанатики мусульманства. Туркестанского же франкель не знает.

Маллер прибыл в Туркестан, кажется, в 1912 или 1913 году из Виленского судебного округа; раньше никогда в Туркестане не служил; он прибыл в Ташкент с репутацией сторонника тислой работы прокуратуры из Охранного Отделения. Все три года своей службы в Туркестане он провёл, и можно сказать, безвыездно в Ташкенте и в частых отлучках в столицу, если не считать его крайние вылазки на разные области Туркестанского края. Достаточно сказать, что при моем моем желании контактировать с ним лично я, в течение трех лет успел в таковы вылазках лишь однажды; я даже забывал этого исключительный день, - это было 15 марта 1916 года, в Ташкенте, когда он отдал мне визит, просидев у меня всего 20 минут. Во время довольно частых моих приходов в Ташкент мне до того ни разу не удалось его там заставать; он был в

отпускал в Петроград, а при возвращении из Ферганы, - всего раза три за все три года; он каждый раз торопился вернуться в Ташкент; так что в Фергане я его ни разу не видел. Это тисная связь с работами Отделения подтверждается тем, что, при назначении А.А. Кривошеина Икшистровым Фотиниц, Меллеру было предложено занять пост Директора Департамента Полиции. Он сам об этом открыто всем рассказывал, но все-таки, что от предложения отказался потому, что наложил дальнейшую карьеру для себя необремененной на посту Директора Департамента Полиции. Туземного языка он не знает.

Энгельс прибыл в Туркестан в 1912 или 1913 году из внутренней России; до того Туркестана совсем не знает; туземного языка не знает. В Фергане он приезжал всего раза на два дня.

Волков, его преемник с весны 1916 года тоже человек совершенно новый в Туркестане. Генерал Климович рекомендовал его мне как своего товарища по корпусу. Туземного языка не знает, в Фергане никогда не был.

Кривошеин, бывший корпусный командир, хотя раньше и служил в Туркестане, но его стаж - исключительно огромная служба по администрации; он совершенный новичок, впервые стал служить в туркестанской администрации с конца июня 1916 года, всего за неделю до 25 июня, когда ему пришлось приводить в исполнение Высочайшее Исполнение 25 июня о наборе рабочих. В Фергане он никогда не был, туземного языка не знает.

И по личным своим наблюдениям за 10-летнюю службу мою в Туркестане, и по рассказам лиц, прибывавших из других местностей России, мне пришлось ознакомиться с одним, на первый взгляд, странным явлением, но оказавшимся вполне логичным и понятным, если принять во внимание особенности служения на так называемом карьерном, а именно том, просто, из необходимости доказать свою работу и пользу от своей службы по тем результатам, которые являются как бы последствиями необходимой и полезной работы, при добросовестности к ней отношении, а результатами думая при этом о создании самой работы. Это наблюдается во всей ведомстве, когда создаются новые штаты, возникают часто всякого рода проекты, сочиняемого в Петрограде, но не никакого рода дистанционного знания местных условий. Сначала создается теория какого-нибудь административного органа, а потом из этой теории подгоняется практика, при чем известные потребности удовлетворяются, изобретаются, только ради того чтобы доказать, что введенные штаты приносят пользу и требуют дальнейшего развития. И тогда это иллюстрируется многими примерами. И так же, восторженно восторженно моему показанию, ограничусь указанием на одну: на управление лесами в Туркестане. Теория, конечно, отличная: охранение лесных богатств края; во всяком, ознакомившись с постановкой этого дела и его развитием в Туркестане за последние 10-15 лет, скажете, что вся практика введена исключительно ради доказательства полезности штатов, в действительности никакой пользы от управления лесами в Туркестане нет. Создается возможность правильно охарактеризовать так: по мере развития штатов лес в Туркестане нечужды. Об этом писали все губернаторы в своих всеподлиннейших отчетах, разумеется, забывая говорить совершенно откровенно, но мысль о вреде всей организации все-таки проскакивала. На той же области явления относятся к управлению казенными землями в Туркестане.

Лесное и земельное управление, как комбинированная деятельность к реальным фактам, способными к документальной проверке, и то сумеем создать фикции своей пользы на основе создания фиктивных поступков.

коже и якобы расхищения государственного достояния, никакого расхищения как такового не было, но только оно стало развиваться во время того, как упоминались различные претензии чинов лесного надзора. Например, востановление закона, что "дикорастущий лес" составляет в Туркестане государственную собственность, побуждало чинов лесного надзора слагать во время, за пределами торговых, ордонских заросли, где каждое высокое дерево на счету у родоначальника горного племени, и иногда по наследству передается не только такая заросль, но определяется, какими деревьями должны владеть который сын после смерти начальника рода. Мало того, чинов лесного надзора на том же основании, стали вторгаться на огороженные, небольшие сады частных лиц, и по одному признаку отсутствия геометрической симметрии расположения деревьев утверждали, что такое-то дерево есть не посаженное, а "дикорастущее" и, следовательно должно вчитаться государственной собственности, после чего даже ветви хвороста от такого дерева прославлялось как преступление, от наказания двойные и тройные штрафы. Веденная такая печальная практика лесного надзора была одним из причин разделения туземцев против русского управления; об этом военные губернаторы Ферганской области писали во многих своих поданныхных годовых отчетах.

Во сколько во время еще определяются вероятными аналогичными случаями в области политической, когда создается ордену специально станагия наместника в политическом отношении уполномоченного в городе про Сиратки Сидикова от его совместной работы с чинами прокурорского надзора.

Миллер и Энгельс были такими развратными политическими дельцами среди туркестанских, в частности - ферганских мусульман. В конце не отрясли их в этом обвинять, а высказывали лишь свое личное мнение их роли, как и про татворную роль лесного надзора и высказали свое суждение вовсе не для того, чтобы обвинять кого либо из чинов лесного надзора. Во востановление того, что дело мое вовсе не обвинение, а только характеристика явления, как и сами его понимали тогда, это ранее наступление безобразное, во время безобразия и теперь, когда спустя после безобразия, а оставалось на моей личной роли в деле лесного хозяйства и показу, что я сам участвовал в татворном лесном хозяйстве и признаю свое действительное вредное: сам участвовал в направлении лесного хозяйства, я же мог вступать ничто, так как мой долг в составе организации хозяйства государственного хозяйства, в частности - и лесного хозяйства.

До середины 1911 года на основании губернатора возлагалась во время обязанности Туркестанского края обязанности Управленческого государственного хозяйства области.

Будучи назначены в начале февраля 1907 года помощником губернатора Ферганской области, я, вместе с тем, принял обязанности Управленческого государственного хозяйства области.

За полгода до того, 1 июня 1906 года, я прибыл на службу в Туркестан из Петрограда, в Туркестан до того никогда не служил и там не бывал, и, на первых порах, был, разумеется, совершенно неопытен. Туркестан со всеми его землями, 3-месячная служба в Ташкенте, затем - 4-месячная служба в Самаркандской области были, конечно, недостаточны в смысле подготовки и понимания местных условий и особенностей страны.

Работа по управлению государственными имуществом в Ферганской области оказалась в канцелярском отношении, огромная масса прописок по нарушению лесного устава, масса торгов на основе оброчных статей судопроизводства в связи с такими нарушениями и с арестами, - отнимала у меня больше времени, нежели обязанности собственно помощника губернатора. Кроме того, было ясно, что организация недостаточна и несовершенна требовала увеличения штатов. По докладу лесного ревизора области г. Поданова, и волею содержательности о раздѣленіи одного изъ 5-ти лѣсныхъ участковъ, о соединеніи двухъ новыхъ должностей помощника лѣсничества, и былъ порученъ, съ какою-нибудь прозой и была искрѣ уделетворены эти мои ходатайства. Это послало къ ходатайству о раздѣленіи и еще одного лѣсного участка на два. Переписка после, всевозраста число прописокъ о нарушеніи Лѣсного Устава, канцелярская переписка увеличивалась. Попутно, по обязанности помощника губернатора, я занимался изученіемъ земельного вопроса, и мнѣ постепенно стала раскрываться неправильность самого основанія управления государственными имуществомъ. Въ архивахъ я прочелъ мнѣніе одного изъ губернаторовъ Ферганской области, вѣроятно, генерала Чайковского, мнѣніе относившееся къ 1900 году, въ томъ смыслѣ, что лѣса раньше, когда они были зовались, на основаніи обычного права, мѣстное население, главнымъ образомъ туземнымъ населеніемъ, но что впоследствии по хитрости волостного надзора, столь бережное отношеніе стало измѣняться въ худшую сторону. Затѣмъ въ журналѣ Государственнаго Совета, за мартъ 1900 года, въ № 64, на страницѣ 6-ой, я прочелъ мнѣніе Государственнаго Совета, что послѣдствіемъ маіа 1898 года возстанія въ Ферганской области, именно въ Андиканѣ казначейства Махали объявляется прова всего неправильной дѣятельности крайнего начальства по земельному вопросу, когда, вопреки закону, у населения стали отбираться неосвоенныя земли, которыми искони оно пользовалось на основаніи права и которыя ему были крайне необходимы. Я постепенно сталъ становиться въ критическое отношеніе къ работѣ Ташкентскаго Управленія Земледѣлія и госуд. имуществомъ, сначала при А. А. Вильямсѣ, затѣмъ при А. А. Успенскомъ, съ послѣднимъ у меня была уже, какъ говорится, канцелярская война. Первымъ поводомъ къ несогласію, что тутъ я имѣю дѣло съ сознательной недобросовѣстностью, такъ сказать, вѣдомственной исключительностью чиновъ Туркестанскаго управленія, послужила моя осмысленная работа, въ 1910 году, въ Купадтской комиссіи съ А. А. Мустафинимъ, руководившимъ, маіа Ташкента, всей лѣсной организаціей. Война, какъ мы, тогда воевали огрынтаго поля, засѣянаго табакомъ, гдѣ стояло одно какое-то чахлое дерево, никакъ не могли съ нимъ ознакомиться, что у насъ передъ глазами: я утверждалъ, что вблизи передъ собой поле, засѣянное табакомъ, а онъ утверждалъ, что передъ нами лѣсъ, при томъ ореховый. Былъ на той же комиссіи и покойный А. Н. Барроузъ, главный отвѣтств. спорное поле для инициатора Земледѣлія въ видѣхъ передачи земли впоследствии русскимъ крестьянамъ, въ переселенческое управленіе, сосредоточивавшееся тогда въ Ташкентскомъ управленіи Земледѣлія и государственными имуществомъ. Этотъ споръ относительно яснаго факта, который, казалось бы, никакому сомнѣнію, не могъ быть подверженъ, былъ занесенъ въ протоколъ засѣданія, и, разумеется, въ Петроградѣ могли подумать, что тутъ я возбуждаю неправильный споръ. Исследованіемъ А. Н. Барроуза, уволенный изъ мѣстной переселенческой организаціи (въ Туркестанѣ)

за яку-то авторів з своєю перемоглою і з несподіваною зміненою оду
 денною масою, перебував в Союзі Русского народа, став членом особливим
 в Русским обраніи, печатати ряд статей в "Туркестанском Курьєрі"
 гдї вивчав на всі туркестанську адміністрацію, і в частинності і на мене,
 утверждав, будто я сам про себе говорю, що я анархіст, на волею волею
 нову генеральську форму, і будто я обрідив в руських крестьян. Эта яго
 лекція была напечатана в органі Пурихановича "Правой Пути", перепечатана в
 газеті "Сейтс". Разуміється, все, що касалось мене, было скомованою відуми-
 кой. На самому ділі со мною і во мні происходила востановлена перемена
 взглядов под впливієм нападками на мене і похвалі містички услою
 вій, і я став чинити ту вродиву роль, накая називалась мій сою органі-
 зивацією управління Земледілія і государственными имуществом в Туркестані.
 Подіє конці моєї служби на, должности помощника губернатора берганской об-
 ласті я велі непрерывную борьбу з означенным управлінням в Ташкенті,
 и думаю, что эта моя борьба была одною из причин, по которой было рішено
 изъять управління государственными имуществом в области из відінія вой
 помощников губернаторов, и послать новое штати в лиці самостоятельных
 управляющих государственными имуществом в области. Эта міра была при-
 ведена в исполнение в 1911 году, уже вслї того как я был назначен, 8
 марта 1911 года, вслїдним губернатором берганской области.

Все разсказывалось мною о моем участіи в управленіи государственными
 имуществом, в частности - в личном хозяйстві берганской области, имеет
 значение лишь как стріжик, на постріжкї как посторонней сфері діяльности,
 накомь образом возможна полна независимость при очно вродивой государствен-
 ной работі. Прессуки я в берганской области всего года или два, и сам
 не смог бы оцїнить истинной своей роли; но постепенно налаживавшися во
 мій опыт и получавшееся понимание містички услою раскрыло мій глаза; ро-
 слі 10-лїтней служби в берганской области я могу отнесіться критически к
 себе, и к другим.

Вот в таком порядкї мысли я и говорю, что я вовсе не склонен об-
 винять, ни Меллера, ни Зигбрехте, ни Волкова, ни генерала Профессова: все они
 люди для Туркестана новые, не могли знать и осмыслить вселенія, и возможно,
 что в своих объясненіях бывших в Туркестані в 1916 году безмораль-
 ков, революціонными движеніям просто, ошибались, во своей неопытности
 и нерискиваніи похвалі: они раздували в своих доносеніях то, что не
 надлежало раздувать, так что в Петрограді, гдї на в одном відомстві
 было людей, знавших, услою Туркестана, могли всенікнуть сомнінія: кто на
 праві, - военный ли губернатор, или группа лиц, отавржі в проклятый
 ему лагерь?

Сказав в пользу войдї этих лиц все, что я мог оказать, долгот-
 считав наскити и то, что возбуждают во мій сомнініе относительно их
 искренности в доносеніях вродиву начальству, мій неблагоприятный в-
 ріє - неблагоприятных мій воглядів. В области сїлосі политическит
 явленій и настроеній услою сїлосі не только гораздо большая возможность
 добросовестных заблуденій; но и гораздо большій обязанности и гораздо
 большій легкость занимать свои положенія на пролентных платформах, наке-
 ли в области реальных фактов. Так если мы никак не могли сговориться
 с А. А. Кустайнним и Н. Н. Павловим, стис на войдї, засїяномі табаном, на-
 ходится ли передь нашими глазами все или сїлосі міст, то что уж гово-
 рить про сїлосі мій и настроеній в области политическит явленій? Со-
 бляніе толковать все вкряк и вкряк увеличивает от секретности и даже

конспиративности предварительных исследований со стороны Охранного Отделения и прокурорского надзора. Независимые и отменные успехи дела, во всем деле добросовестным стремлением показать перед начальством свою усердие и свою деятельность, могут, раз вступивши на ошибочный путь, потом уже так связаться своими последними действиями, что для них не возможно будет почетное отступление, а с лица войны, они вынуждены будут твердить правильность однажды высказанных взглядов. Поэтому оный политического смысла у нас показывается, что и Охранное Отделение и прокуратура могут оказаться во власти недобросовестных агентов-провокаторов.

Вот что предвещивало, за целый год, туркестанский безобразный 1916 года, и именно в Ферганской области, и даже за четыре года, когда в Ферганской области не было еще ни Коллегии ни Витбрехта.

Как при этом предвостыки, генерал Е. В. Суванкин, на должность Андриановского уездного Начальника был назначен подполковник Н. П. Иванов, переведенный из Самаркандской области, где он обратил на себя внимание историей с появлением чумы и борьбой с ней, оставив по себе такую репутацию, что чума была им водута и собственно никакой борьбы с ней и не требовалось. Так-ли это, - я не знаю; я говорю только про результаты. Прибыл в Андрианов, он сразу же занялся явлениями политического характера и вступил в более тесные сношения с Ташкентским Охранным Отделением, являя это обычно наблюдавшееся у уездных начальников. От него стали поступать к военному губернатору донесения о бандастическом движении, причем разбой, усложнялся в Ферганской области, главными образом, из-за отсутствия организации достоящего кредита, процветания, вследствие этого ростовщичество, а разна из-за сильного умножения привилегий лавок, где особенно торговали водкой и спиртом; в связи с чем стали размыкаться и публичные дома, - эти разбой подполковник Иванов стал объяснять как явление политическое, именую разбой "бандастическим". Суда пристегивались еще и "панисламизм", и "пантюркизм", и "младотуркизм", и т. д.

Когда, в марте 1911 года, я был назначен военным губернатором, Н. П. Иванов перешел уже прямо к политическим арестам. Я был возмущен безосновательностью оснований, по которым мне были представлены к административной высылке сразу 9 человек армян и грузин; все относившиеся к ним протоколы сводились к фразой, составленной по одному шаблону: редакция: такой-то подозревается в неблагонадёжности по донесению агентов, при чем агенту удалось подсмотреть собрание, где так-то и так-то между собой о чем-то переговаривались, но о чем именно - агенту не удалось расслышать. Я написал тогда временно исправляющему должность генерал-губернатора, что представляя полученный мне рапорт, но не нахожу серьезных оснований к административной высылке. Тем не менее, эти 9 человек были высланы. Вскоре поступили от Иванова новые представления к административной высылке, потом - оный, я, наконец, написал Туркестанскому генерал-губернатору А. В. Замоснову, что прошу его, убрать подполковника Иванова из Ферганской области, потому что деятельность его вредна направлению, исключительно: он запустил городское общество, уезд Андрианов в непролазную грязь, накопилось масса недомыслия, и все это время посвящает выдумыванию всевозможных политического характера. На успехе эта первоначальная моя жалоба на Иванова произвела свое действие.

наки отъ того же Иванова получено было мною свое дознание уже совершенно
ошибочнаго характера. Онъ вдругъ открылъ политическій, по его словамъ, за-
говоръ противъ Россійскаго государства, и утверждалъ, что уже давно, еще со
временъ восстанія въ 1898 году Мадъ-Али во всемъ Туркестанѣ прокидываются тай-
ный оборъ денегъ на подготовку новаго восстанія, что уже заготовлено оружіе,
все хранится въ одномъ мѣстѣ и какъ главу этого политическаго движенія на-
зываютъ Миркаміля Кумибаева, андкванскаго учителя, требовалъ его ареста; мнѣ
сила. Довозеніе это поразило меня своей явной нелѣпостью; главнымъ обра-
зомъ, потому, что какъ на мѣсто огромнаго склада оружія указывалась мочеть
въ городѣ Андижанѣ, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ имѣлъ свое резиденіе и самъ
убавный начальникъ Ивановъ. Назалось бы, если самъ Ивановъ вѣрилъ въ то, о
чемъ онъ мнѣ доносилъ, то, преле всего, надлежало произвести обыскъ въ мочет-
ти, убѣдиться въ томъ, что складъ оружія, да еще огромный, тамъ существуетъ,
а уже потомъ писать объ этомъ по начальству, но именно такого предварительнаго
осмотра отдалено не было, никакого склада, какъ потомъ сказалось, не было
обнаружено, да и оборъ денегъ, охотематическій, въ теченіе десятка лѣтъ, былъ
напротивъ, въ особенноти потому, что во главѣ всей организаціи оборъ былъ
названъ Миркаміль Кумибаевъ.

Онъ - ростовникъ, конвизный наследникъ, и
на него всегда воступала изъ воинску губернатору и изъ генераль-губернатору
масса жалобъ отъ населенія. Уже если бы онъ столь долгое время возмездъ отъ
населенія особый налогъ для каки-бы то ни было цѣлей, то непременно стали
бы жаловаться на него и за это; но такого рода жалобъ никакихъ не воступало,
а жаловались только на его ростовничество и на то, что онъ, получая по зем-
сельямъ долги, самки вехомей на возаре, аргъ, а потомъ вемскинать по зем-
сельямъ вторично. Миркаміль Кумибаевъ очень богатый человекъ; ростовникъ это
опредѣляется въ 12 милл. рублей; это типичный сѣрага, старый, развратный че-
ловѣкъ, и, разумеется, совершенно не годится къ роли клѣвлаго, революціоннаго
наго дѣятеля. На тому же онъ неграмотный, едва умѣетъ подписать свое іамъ
имя.

Исторія противъ Миркаміля Кумибаева была возбуждена его бывшимъ кон-
торщикомъ, итѣлиномъ Александромъ Тимофеевымъ, котораго Миркаміль прогналъ
со службы за учиненныя въ пьяномъ видѣ скандалы въ конторѣ. Тимофеевъ по-
ступилъ затѣмъ на службу въ Украиное Отдѣленіе тайнымъ агентомъ; и поднятой
исторіей хотѣлъ отомстить своему бывшему хозяину.

Воксрѣ, изъ осени 1911 года, генералъ Самсоновъ перевелъ полковника Иванъ
нова въ осѣдникъ Самаркандскую область убавнымъ же начальникомъ въ владѣнскій,
лахудалый городъ Хокента, сказавъ мнѣ: "ну, тамъ Ивановъ при всяки велѣніи,
никакой политики не изобрѣтетъ".

Послѣ Иванова Андкванскимъ убавнымъ начальникомъ былъ назначенъ кон-
Самаркандъ полковникъ Бривенскій, отличный человекъ. Онъ, по своимъ указані-
ямъ, сталъ заниматься важными дѣлами: привелъ улемъ горцевъ въ прекрассое со-
стояние, вемскалъ вой веломки, а исторія съ революціонными движеніемъ сразу
ка изваралась, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 4 лѣтъ не возобновилась.

Въ концѣ 1914 или въ началѣ 1915 года прибылъ на службу въ Туркестанъ
новый Начальникъ Украиннаго Отдѣленія полковникъ Зигбрехтъ (имѣя Славина), а
до того - были назначены новый аркуроръ Сулейбой Назаты въ Ташкентѣ-ка вел-
лѣра.

Воксрѣ же исторія съ обвиненіемъ Миркаміля Кумибаева въ политическіи
замислахъ вновь возмѣла, по наговору того же итѣлинка Александра Тимофеева,
который вдругъ потребовалъ отъ Миркаміля Кумибаева принять его вновь на
службу съ угрозою, что если онъ его на службу не приметъ, то Тимофеевъ по-

садить Иркинана "въ тюрьму". На этотъ разъ ему удалось избежать своей угрозы въ послѣдствіи того, какъ Иркинана отпустили ему на волю.

И хорошо помню, какъ послѣ совершеннаго въ Индиканской уѣздѣ убійства въ смыслѣ какія либо политическаго агитаціи, я вдругъ получилъ отъ полковника Брезенкаго копію присланной ему отъ начальника Охраннаго Отдѣленія телеграмму, содержаніе которой я помню дословно: "Во мѣсяцѣ Охраннаго Отдѣленія агентурнымъ свидѣніемъ, въ Ферганской области широко поставлено дѣло сбора денегъ въ политическую, революціонную цѣль: въ пользу Турціи, и во главѣ этого сбора называлъ андизанскаго хитреца Иркинана Кунибаева."

Оказалось, что полковникъ Зигбрехтъ уже послѣ по этому поводу въ непосредственныхъ свѣдѣніяхъ отъ прокурора Судебной Палаты Боллерса, и самъ арестованъ, въ іюль или іюль мѣсяцѣ 1915 года, Иркинана Кунибаева, по речевымъ его въ Ташкентскую тюрьму, и тамъ заключилъ.

Все это дѣлалось безъ уведомления всезнающаго губернатора, и я не вмешивался.

Во время моего уголовного судопроизводства дѣло это не могло уйти въ губернатору, и, въ концѣ концовъ, оно дошло и до меня. Мнѣ были представлены для ознакомленія копія отъ 1) рапорта Боллера Министру Юстиціи и 2) доносима Зигбрехта генерал-губернатору, въ разныхъ приложеніяхъ. Вотъ эти свидѣнія подтвердили мнѣ то, что я и раньше зналъ изъ доносима уѣзднаго начальника, полковника Брезенкаго, а именно: а) изложить серьезнаго убійства противъ Иркинана собрано на банкъ; б) что Иркинана оказалось на вину его якобы жертвованіе на надобности турецкаго флота, какъ-то жертвованіе было, будто бы, передано угрожающимъ лично, въ бытность его въ Константинополѣ, известному Зигеру-пашѣ въ размѣрѣ, кажется 100 турецкихъ лиръ или, на русскія деньги, 1.000 рублей при свидѣльствѣ - хитреца Андикана, которые также были въ Константинополѣ и также на приемѣ у Зигера-паша; в) въ дѣлѣ фигурировали написанныя на каллиграфіи прокламаціи, на турецкомъ языкѣ, найденныя въ Индиканѣ въ какой-то старой стѣнѣ на дворѣ рядомъ съ тѣмъ домомъ, гдѣ проживалъ мѣщанинъ Александръ Тимофеевъ; г) кромѣ того, была приложена каллиграфія, найденная гдѣ-то въ полѣ и она поларенна бифуркова змуга. - Прокламаціи носили явно провокаціонный характеръ, и для меня, какъ знающаго турецкаго языка, было ясно, что онѣ были написаны на турецкомъ, а русскими, ибо обороты рѣчи составляли переводъ съ русскихъ выраженій; кромѣ того онѣ были довольно бессмысленны: въ нихъ говорилось, что "подателемъ сего листа надлежитъ вручить суму денегъ для надобностей турецкаго флота". На банкѣ была нарисована череполомъ двумя крестами на-крестъ, - эмблема смерти, иногда мусульманами не употребляющаяся. Что касалось свидѣній Иркинана въ Константинополѣ, то въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ, такъ какъ въ Ферганѣ ходитъ сумма 5.000 руб. ежегодно на помянутое свидѣніе мѣстами въ Москвѣ съ согласіемъ въ Константинополѣ для перевода съ одного народа на другой.

Въ своемъ рапортѣ Министру Юстиціи Боллеръ свидѣтельствовалъ, что дѣло было возбуждено "мѣщаниномъ Александромъ Тимофеевымъ", который, хотя давно въ Индиканѣ, прекрасно знаетъ турецкаго языка и превосходно въ кооперативъ турецкаго раздѣлывать, полъ видѣтъ торговца въ Ферганѣ, и тѣмъ способъ имѣетъ, будто бы, возможность узнавать настроенія турецкаго народа по отношеніямъ къ русскому Правительству; и вотъ онъ-то, мѣщанинъ Тимофеевъ и утверждаетъ, что все сообщенное Охраннаго Отдѣленіемъ относилось только вредной революціонной дѣятельности Иркинана Кунибаева, есть

судом правды! На этом основании прокурор Меллер основательно не гнукаясь ни статьи уголовного судопроизводства, возбудил Иркиным арестовать и доставить в Фергану, приняв такой арест как взятку при сличении, а также возбудить против Иркина уголовное дело по таковой статье.

Донесение полковника Энгбрехта генерал-губернатору имело характер политической статьи литературного характера, а именно на серой бумаге. Оно распространялось в среде донесения на счет "пантера", "пантеризма", "бандитизма", - все на тему, давно известную еще с 1911 года по донесениям полковника Яванова; эти же указы шли на изречения корана, и т. д.

В своем отзыве генерал-губернатору (генералу Э. В. Карголану) и копиях свое мнение о рапорте Меллера и донесения Энгбрехта в том открытом виде, в каком пишу и настояще свое показание.

Относительно рапорта Меллера Министру Истории я сказал, что этот рапорт свидетельствует о совершенном неведении и недомыслии Меллером условий жизни в торговле в отдаленных районах при помощи развешенных торговых агентов, действительно, в отдаленных местах, но только при условии, исключая возможность всяких переделов, именно торговые агенты развешены по Ферганской области, с исключительной целью

задачи денежной задатки под отсрочку и всякие баснословные вещи в счет будущей распродажи по предельно низкому уровню цен, при чем цена на будущий урожай условно высчитывается, а не наоборот; узнать по документам денежную задатку хлопководов у агента можно из их фирм, от имени которой действуют агенты, следовательно хлопководы должны знать в точности фирму, от имени которой присланы агенты, и, конечно, должны знать в точности место, куда хлопководы должны быть отведены хлопководов, дабы произвести всякий денежный расчет по векселям и по остаткам у агента денег; что поэтому, разумеется, никто из хлопководов, которые всегда скучно знают о законах фирм и о каких именно агентах они имеют дело, не станут вступать ни в какие сделки с лицом переделывающим, да и для совершения таких сделок надо иметь крупные денежные суммы, которые по Александру Тимофееву не останутся за выдавать задатки на обычные суммы, достигающие по одной воле до нескольких сотен тысяч и миллионов рублей только ради того, чтобы узнать настроение умов населения; кроме того, мы знаем, что мещанин Тимофеев человек без капитала, живет в Андижане в маленькой квартире, на дворе, где живут и другие мелкие мещанины, так что совершенно невозможно, чтобы его периодические выходы из своей квартиры в переделывающий вид (виды русского костюма в купальном мансией, с чалом на голове), остались незамеченными остальными мещанскими сослуживцами; что никак не торговая он не занимается, а живет на средоток, никому неизвестная (известно, на средоток Охридского Отделения); что среди населения он, действительно, пользуется только не в переделывающий вид, а в некоторый своей русской костюм и при этом заводит с населением разговоры на темы политические, при чем, в доказательство, я привожу рапорт одного волостного управления, где он доносит, что Тимофеев вступил с ним в разговоры на тему о неурядицах русского управления, спрашивал, правда ли, что купцы стремятся возмутить против русской власти, и т. д. Одним словом, деятельность Тимофеева носила характер агентурный, да и отчасти провокационный, а такого-то агента прокурор Меллер рассма-

доказавши значення Інокентія Історика як людину, показавши якого в політичному
своєму становищі області заслуживають уваги. Я писав також в особній
заяві, що Інокентій представляє собою тип психологічної серйозності і розважливості
і що приписувана йому Тимофеевським роль в дійсного революціонера є
лише на ім'я; що наговори Тимофеева об'яснюються горістю провади дачної
справи з Інокентієм, котрий вважався цього самого биялого контрреволюціонера
за буржуазно-іскандальні, учинені ним в п'яному стані в кастри; писав я
також і про домогательство Тимофеева знову поступити на службу Інокентію, про
отказ останнього і про угрозу Тимофеева посадити Інокентія в тюрму.

В такому ж дусі діяв і свій отава і с доносчик начальник Окремого
Розвідного Відділення, полковник Зигбрехт. Я сказав, що доносчик це свідетельське
ствереження з сучасними новинами і полковник Зигбрехт мовчав тільки;
що він невірливо; що він не може полагатися на свідетельство дачної справи;
в присутстві колег Інокентія, було б, передати в Константинополь Заверу-
ванні 100 турецьких ливрів, то надало б революціонери; навіть-то
анданкські сарти-свідетелі поклали в Константинополь і вийшли в Емірат
Ірак, а що вони не представляють жодної служби в Турції і тому не можуть
повідомити, що турецькі чиновники, казали і писали, на зразок брата
з якого угоди; но що сучасно незалежно, тоби так само високо
(турецький міністер), погодився на доповіді з армією анданкського, полковника
котрого турецький міністер, огорчений добродієм повернувшись в
турецькій історії сарти турецькі акри, - суми ця виступила для такої
справи; що свідетель Зигбрехт в короткіх мислях за докладністю
правдивості однієї як конкретного об'єкта протяг Інокентія така не
має; як-би він в числі разрозумній по поводі якого нібудь
русського політичного процесу приходить анданкські казали;
що отава за несомнелі свідетельські свідки на п'єсу,
напечатали на турецькій мові, "Далас-кунт" (за
перекладом "оглаубіла"), котрого я лично читав в анданкській
(русського переклада за нім), що давалося ним
Зигбрехтом; виводу, по мові мисля, сучасно
завіраю, во всякому ж випадку ніякого
огорчення з конкретному ділу
армії Інокентія ця татарська п'єса
німає жодного.

Генерал-губернатор, генерал Картонов переслав мені писмо в
Петроград і потім він говорив: "Ваше писмо об'яснить генерал
воїськи міністеру і проиневало вичагання".

Результат такого вичагання я доскорі ж озвучив на собі, а
в особній заяві він отразився в моєму
зв'язанні з службою "по доповіді об'єкта
ствереження".

Я доскорі ж писав, що я наступив на надана
чужоземцями через наше
державного управління.

Зі жовтня или жовтня 1915 року на мене отримав донос
з міста Сибіряка от Інокентія "Інокентія", ухваленого
в своїй заяві в Сибіряку. Донос
виправлявся прямо в Петроград за
ним Інокентієм Воєнного, Внутрішніх
Діла, Воєнних і за Імператорським
Сенатом, в чому я узяв участь в
листопад 1915 или в січні 1916 року.
Они сивалили як в роки
непрерывно, в січні і в лютому,
і в квітні 1916 року. Доскорі
характерно для вивчення
нашого управління; і в частині
для характеристики биялого
воєнного міністра генерала
Буваева, що, вмісто того, тоби
продати мене, призвать мене і
открыто спросить, что это за
донос; генералу Картонову
было предложено расследовать
донос "тайно". Б.Ф. Картонов,
членом высшего военного
двора и весьма опытный,
призвать меня к себе, сказавши
мне, что "я вас завалю
каждый раз", что поступить на
меня жалоба донос, что я

приказом Начальника Главного Штаба расследовать эти донос тайно, что мне командировать для этой цели своего Старшего чиновника для поручений Алексея Радзівовского, но просил меня не указывать виду, что и что я буду знать.

Действительно, в январе месяца 1918 года прибыл в Скобелев Радзівовский и стал тайно расследовать, определяя разницу между я и российским войском по данному Мухомову адресу. Оказалось, что никакого Мухомова в Скобелеве нет, данный адрес вымышленный, а по документам пугубой машины, на которой были написаны донос, удалось установить, что кто писал на машинке, находящейся в Скобелевском полицейском управлении и что эту машинку брал к себе на дом полицейский пристав Букинский.

Полицейский пристав Букинский имеет основания быть мне недовольным. Он служил раньше в Иркутск и был принят мне на службу по рекомендации начальника штаба 1-го Туркестанского корпуса генерала Ахилантам, я

имел основания быть требовательным в смысле особой чистоты его службы, но он не оправдал моих надежд. Будучи назначен мне полицейским приставом в Монады, он стал заниматься тайной торговлей разрывной на покупку чая и спиртных напитков, а кроме того устроил себе оборонную статью из печатных бланков для вывоза домашними описями провозить их у него кильсом, печатая эти бланки только в одной типографии и за профая другими типографиями принимать такую работу, а затем провозил эти бланки домохозяйкам по повышенной цене, за ображением выручки в свою личную пользу. Я не постеснялся назначить расследование, как только ко мне дошли слухи о таких продажах Букинского, а затем - дать законный ход расследованию. Букинский был предан Окружному суду, который и осудил его за мошенничество или вымогательство, - теперь я в точности не помню, за что именно.

Этого Букинский и стал воевать близким членом в отношении прокурору в Скобелевском Загорскому. Я лично май знал, что из него пристав прокурора в отношении Скобелевского Окружного суда Загорский, все требуя от него "обвинения против Ферганской администрации". Прокурор Загорский также принял по отношению к Ферганской администрации положение явно враждебное, придираясь по пустякам. Я значил объяснял это его болезненным состоянием (у него простреленная нога) и он от постоянного отравки стал чрезвычайно нервным; но впоследствии я понял, что он действует не от себя, а под влиянием Меллера, который также стал не только придирающимся но и явно несправедливым к Ферганской администрации и, в частности, ко мне, возбуждая вздорный дым, которая из Правительством Селатэ известна не скандализация признаниями правильности моих действий. Потом, уже в мае и июне 1918 года, министр Юстиции А. А. Козлов лично говорил мне, что прокурор Загорский приехал в Петроград (в мае или июне) в заявке министру Юстиции, что он лично ровно ничего против меня не имеет (мы были от него всегда в очень хороших отношениях), но что на него давит прокурор Судебной Палаты Меллер.

После доклада по расследованию в доносках, произведенного Радзівовским, доклада во войска отношении май благоприятного, а был вызван в апреле месяца 1918 года в Петроград по личному приказу Военного Министра Суваева.

Котория этого визита оказалась следствием, как май, в частности обидеть, сообщил некоторые высшие чины Главного Штаба.

На одном из доносков "Мухомов" (анонимный, но принадлежавший авторству полицейского пристава Букинского) военный министр генерал Бу-

Меллер. Обозначено только дважды из прокурора Загорского июля 10 декабря 1918 года, когда, за явную отсуствительность улик, было приказано Льво Мухомову Мухомову, и, следовательно, генерал губернатор в Монады Юстиции получили возможность убитых в совершении правильности моих критика действия Меллера в Загорском на отговору разлутом или дик. Вот тогда-то прокурор Загорский, интуитивный Меллером, и стал требовать от Букинского обвинения против губернатора, и донос анонимный, Меллер особенно размышлял.

вопроса полонили? в середине марта 1916 года, каково-то известное решение
договоры между мной неблагоприятны. В точности она мне неизвестна. Неко-
торые анонимные члены Главного Штаба мне только говорили: "Революция была
успешна; мы с м у говорим: видь такі нолье го; надо выжить" на край-
ней мере, в Петрограде генерала Гинзбург и Гегя на словах спросить его,
что это за история; ну, вот после того Вася и вылезли". Звонил я в
Петроград генералу Буваеву в конце апреля 1916 года; он мне спросил:
"какие у Вас отношения с чинами судебного ведомства?" - Я ответил: "от-
личия". - Говорили ли Вы речь в Военном собрании два года тому назад,
на следующий день после объявления войны?" - Я ответил: что объявление
войны застало меня в отпуску в Финляндии, в городе Хельсинки; мнею из-
за объявления войны я прервал свой отпускный, так как в Дюнах на-
чалось паническое бегство среди лачников; то я никак не мог вскоре
оттуда выбраться, и только телеграфными сообщениями с финляндским гене-
ралом губернатором мне удалось, наконец, достать несколько билетов на
кол. дорогу для себя и моей семьи; выехал я из Финляндии 23 мая, а в
Скобелев прибыл 4 июня; это можно проверить по своим приказам; какой
чтением в мемуарах "Областных Ведомостей". - Генерал Буваев спро-
сил меня: "А не говорили ли Вы речи по поводу войны Перемысли?" - Я от-
ветил, что никакой речи не говорил. - Генерал Буваев сказал мне: "и
такі вот что: у меня самого совершенно нет времени заниматься этим де-
лом; пойдите Вы к Министру Внутренних и переговорите с ним; а я его пре-
дупрежу о Ваших приездах; он назначит Вам день приема".

6 мая 1916 года по повелению Министра Внутренних дел я явился к нему. А. А.
Киселович меня спросил, что докладывал Военному Министру. Я ответил,
мне было известно и доведано, что все эти вопросы и сами вопросы были
следствие допросов на Удаль из Охранного Отделения и от личной архитек-
туры, а быть может, и от председателя Удального Окружного Суда, который
стал вдруг, от ноября 1915 года безрассудно и совершенно жалко на-
дуть на меня, но не личные сообщения, но личные отношения у меня были
с ним всегда отличны, и всегда личными отношениями, именно критиче-
скую деятельность Елизаветинского благотворительного комитета, довольно кро-
но поставившего и развившего свою деятельность по помощи семьею заво-
дильных и фабричных чиновников благодеяние и моей семье; я был председателем Удаль-
ного комитета, а жена моя председательствовала в комитете по устрой-
ству мастеровских. Эти нападки были настолько жалки и не поддавались ни-
каким логическим объяснениям, что я, наконец, решил, все заседание
комитета, с присутствием Е. О. Ковалева (Председателя Скобелевского Окруж-
ного Суда) вести не иначе как со стенографическими отчетами, во вре-
мя заседания себя на всякий случай от каких-нибудь новых нападок. Я при-
вел с собой эти стенографические отчеты и имел за виду предупредить и
их великому министру, вместе с особой запиской по поводу войны отдал
нападку на меня прокурора Загорского и Председателя Окружного Суда Ковалева;
все эти нападки и объяснение себя как результат точки, Ковалева от
прокурора Судебной Палаты Маллера, вследствие ведомственной солидарно-
сти чиновников судебного мира, неудовольствия на Маллера и нападки на себя
из-за того, что он, в деле ареста Маркиса Мунингера работал дру-
го и за-одно с таджикскими Охранного Отделениями, а я разоблачал про-
вектаторскую деятельность Охранного Отделения по части незаконного
возбуждения вопроса о революции среди Персидских мусульман.

А. А. Киселович спросил меня, зачем же вы все это рассказываете?

все материалы, и сказала, что она сама займется разбором этого дела.

Потом я несколько раз захожу из директуру 1-го Департамента Мин. Общ. Военн. С. Н. Грегубову, который ближайшим образом имел все это рассмотрение. Я и постоянно узнавал от него, что рассмотрение все больше и больше выискивает мое правоту; что были ускорены рассмотрение дела в Арбитражном Суде Сената по повелению моего разногласия с Меллером из-за разрыва дела, и Сенат всё эти разногласия разрешил на мое пользу.

Примерно через месяц я явился на Министру Восточн. на обаян прием, чтобы узнать, кончилось ли рассмотрение и можно ли мне уйти обратно.

А. А. Кусогон принял меня очень любезно, сказал, что рассмотрение кончилось; что у него надлежит быть прибавкой из гор. Скобелева прокурора Загорский, который уверяет, что наши личные отношения с ним всегда были пред. красныя, но что в нападках на меня виноват не он, а прокурор, Павел Меллер, который приказывал ему так действовать. - А. А. Кусогон сказал мне: "Я вам утку; надеюсь, что голос Министра Восточн. еще звучит для него чтонибудь"; затем добавил, что ему не хотелось бы пережить председателя Сирожанского Суда Новикова, так как он старик и заслуживает свое место.

После того я явился Начальнику Главного Штаба, генералу Михляеву, которому объяснил, что всё эти истории и доноси, всевозможные на моей службе разоблачений проведатурской деятельности Охранного Отделения за дела гурьевской моей революции, но что я рад, что в конце концов всё эти доноси остались на при чем. Генерал Михляев от грустно захитал мне что, из социалннх, эти Охранн. Отделения во всю по всей России занимаются такими делами, и ничего от этого не понимают; что же касается моего личного отношения к чинам прокурорского надзора и вообще судебного мира, то советом мне не быть столь оптимистично настроенным: "Вы увидите, как только вы вернетесь в Фергану, из Вас проснутся новые какие-нибудь доноси из той же Охранки и от тех же прокуроров; они Вас не оставят в покои, а останут Вас долбить и долбить; до тех пор пока Вас оттуда не выпрут. Я Вам даю добрый совет: уходите Вы оттуда; я уже думал о Вас, и встретил на-днях военного генерала губернатора области, заговаривая с Турки, спросил его, не обогласит ли он дать мне поощ. губернатора так, в админ. Кавказского Наместника; генерал Иванов сразу же ответил, что примет Вас с водичайными изощрениями; так что берите этого поощ. и уходите, пока не поздно."

Я ответил, что ни в каком случае на такое предложение не пойду, что я кругом прав, но мне приходится бороться против Охранки, прокуроров и других лиц в деле, которое я считаю правым, в этом и заключается государственная служба, покидать же поле сражения и намереть, а доносить никаких не боюсь".

Наконец, вывел меня из себя Военный Министр, кажется 10 июня 1916 года, начал он со мной беседу, как говорится, за правое, а кончил за убогой.

Отрешил он меня любезно и стал говорить тихим голосом на-распашку: "ну, вот, дело кончилось; может быть "они" сделали какие-нибудь ошибки, а может быть; и вы сделали какие-нибудь ошибки; покажите себя от Богом леной".

Я спокойно ответил, что никаких ошибок я не делал, а если были все нарушены со моей стороны какие-нибудь ошибки, то я прошу бы мне не утруждать.

Казалося би, після цілого місяця спеціального раціоналізму всієї держави, ніхто не мав право розуміти ніколи більш опрацьований результат? назвали нічого, заявляючи: "хочете бити, ми не чим нібудь винувати, а ми хочемо бити", і Ви не чим нібудь винувати". Навіть за такого результату не було нічого дорвати цілий місяць губернатора в Петрограді. Генераль Буваков вдруге офіційно раціоналізував, отаць кричати і сказавши мені буквально своїми словами:

"А-аа... так значить? Ви 'святий'... Отавчайте мені сейчас же, святий Ви? или не святий?"

Я, разумеється, молчал; тогда генераль Буваков, выхлывши нікогогого времени, тым же голосом сказавши мені следующие весьма отчаянные слова:

"Ну, так я сам Вам скажу; Вы не святий, потому что я, военный министр, и то не святий. Я, военный министр, делал ошибки, а Вы губернатор, Вы должны делать ошибки; значить, о чем же и разговаривать?"

Так я и ушел от него; когда же я начал возвращаться назад-то увидел, что там же за мной выжидали, и что-то 5,000 верст в Петроград?

Эту странную оценку я раскидывал тогда на нескольких выездах к началу Главного Штаба и вообще Военного министерства, и спрашивал: "что это у Вас больное? Так пусть лечите свои нервы", и однажды услышал же от себя: "разумеется, больные нервы; служил 20 лет в интендантстве и расстрелял свои нервы; какой это военный министр?"

Такой отбег меня успокоил, и я уехал-за средним делом в Скобелев, остановившись на 5 дней в Москве для разъяснения на центральном управлении Елизаветинского комитета о своих недоразумениях с Ковалевым. Товарищи Председательницы, председатель Московского дворянского комитета, вице-председатель центрального комитета мое предпринятия о Ковалеве, из которого Комитет отнесся во весьма неблагоприятном мне виде; оставил все на падеж Ковалева без внимания.

В Москве же приехал ко мне генераль Шимон, который передал мені предложение Начальника Главного Штаба занять постом помощника генерала-губернатора, и сообщил мені, что Моллера ршено убрать из Ташкента. Остаточную аттестацию его неблагоприятных действий по отношению ко мне для прибавления вскоре же в Петроград генераль-губернатора генераль Карголь во главе на имя Министра Истории от 8 июля 1916 года № 42, о чем заранее уже упоминалось. Неважно до того была переведен и дружно работавший со мной Начальник Охранного Отделения полковник Зигбрехт; он был назначен из Ташкента во Владимир. Вместо него был назначен полковник Волков, которого генераль Климович (директор Департамента Военных рекомендаций) мені как человека порядочного я как своего товарища,

Казалося, все, таким образом, успокоилось, и я, вернувшись в Скобелев, вполне нравственно удовлетворенный, написал в Тифлис генералу Шимону, что революционные затвора Зигбрехта и Моллера и все последствие эти во виді моего отклонения от оффискурсионных надсорок и от председателя жем Окружного Суда ликвидированы вполне для меня благополучно и мне и от особом охотой согласился переехать в Тифлис. Это было, кажется, 6 июля, а 12 июля я получил официальное предложение Начальника Главного Штаба занять постом помощника генерала-губернатора; в чем виде я говорил

на самом деле благополучие предсказалось недолго. В Туркестане начались беспорядки; от 4 июля, и за выполнения Высочайшего Повеления 25 июля

Моллер, бувши в отпуску, вконец вернувся на Таджикистан, де й застав генерала Крофеева в должности временно управляющего краем, вместо генерала Картося. Генерал Крофеев был назначен на этот управленческий край; и, приехав в конце июня месяца на Таджикистан, сразу же занялся он чрезвычайно трудным исполнением указаний Штермера на выполнение Высочайшего Повеления 25 июня. Начались беспорядки. Отъезд повеления взгляда на них зависело принятие того или иного курса во отношении туземцев. Несомненно генерал Крофеев сыграл на этом деле решающую роль.

Генерал Крофеев поддался влиянию Моллера. Было мало известно, что генерал Крофеев вели, как говорится, компания со Штермером. Было ясно, что и на начальном беспорядки отъезд уселись себе взгляды, что тут не ошибка Штермера или военного министра Буянова, а "восстание" или "бунт". Со самого начала беспорядков такая точка зрения была себе выражена в странном приказе генерала Крофеева по краю: отъезд сразу объявил (приказе предполагал быть от официальной власти "Туркестанской Власти"); что туземцы, не зная признания или русской власти и не имея власти, обязаны повиноваться и почтительно кланяться малому офицеру и малому чиновнику. Таким как понятие "чиновник" охватывает весьма широкий круг людей разных ведомств, из которых многие представляются, хотя это полной формы, но имеют одной фуражки с кокардой, то Штермер этого туземцы, разумеется, не могли бы и выдержать при массе чиновников, служивших и проживавших во всех городах Туркестана. Приказ этот как бы шатался на разных мелочах недоразумения, ибо издавал повеления из законных требований невыполнимого требования: приказ был, из тому же назывался только на своем русском языке и можно было наверное сказать, что туземцы его и не знали.

Из того же взгляда логически вытекало и происшествие, зарегистрированное на первоначально обнаруженное местными туземцами повеление давать рабочим при отсутствии всяких правил набора. Повеление выразилось в коллективных протестах толпами народа; толпы учинили беспорядки. На это генерал Крофеев реагировал усиленным карательным отрядом, а как только карательные отряды привели к себе худшие результаты, так у генерала Крофеева не оставалось иного способа оправдать своими действиями расприказаний, как утверждать, что туземцы учинили бунт против Верховной Власти.

Для Моллера осадилось после деятельности, где он мог оправдать себя за пределы своей деятельности, когда был был влиятельным советником в деле ареста миллионера Мирзибекова: его репутация построена была на-за время официальных доносений, разоблачавших провекторскую роль мещанина Александра Гинюфова, тайного агента Таджикистанского Охранного Отделения, от которого Моллер работал дружно.

Случилось так, что и во время начавшихся беспорядков я занял должность особое, оценивая причину беспорядков не как результат расприказаний или интеллигентского настроения туземцев, а как результат ошибок Штермера, генерала Буянова и генерала Крофеева.

Сомнительным последствием такого отнесения обстоятельств была первая версия тайных доносений на меня, источник которой неизвестен, результаты, из того же прокурорского надзора и из того же Охранного Отделения. На этот раз Моллер и Охранное Отделение особенно постарались, а дело об этом тайных доносений на меня разрослось огромное. Доказательств на этот

два эти письма, имели анонимные донос Исраил-Гузисаго; но изустно
не прокурорского надзора, но они встретили чрезвычайно благоприятную
почву на интересах высших правительственных лиц: Старова и генерала
Буваева, которым было выгодно доказать, что Ферганская соб-
ласть отнюдь не составляет помехи к общему правому бунту в Турне-
стані, что если Ферганская область вдруг усовершенствовалась, то только потому,
что я, будто бы, клятвою обидел туземцев не брать отъ нихъ рабочихъ
и такимъ образомъ нарушилъ Высочайшее повелѣніе. Такое утвержденіе мало
вразумно со всякимъ смысломъ моего воззванія къ населенію отъ 16 Іюня. То-
гда Меллеръ распорядился "начать изъ объясненія" съясненіе мое воззваніе
подъ предлогомъ, что оно противорѣчитъ Высочайшему повелѣнію. Эти мѣ-
ры, данные дономъ военный министръ генералъ Буваевъ включилъ въ свой
повелѣнійшій докладъ Государю. Нарушилъ такой повелѣніе уголовное
законъ, требующій во всякомъ обвиненіи выслушивать предварительныя объ-
ясненія, генералъ Буваевъ былъ уже связанъ въ дальнѣйшемъ по отношенію къ
мнѣ дѣйствіемъ, а станемъ вернѣ понятнымъ отношеніемъ мнѣ генераломъ
Архангельскимъ заявленіе, что никакія мои объясненія не будутъ имѣть зна-
ченія: объ этомъ я раньше уже говорилъ.

Выше вероія революціоннаго объясненія близка въ Ферганѣ безпоряд-
ковъ изложена съ точки зрѣнія работы прокурорскаго надзора въ лицѣ мел-
лера, Тавментоваго Охраннаго Отдѣленія и генерала Професса. Я вслѣдъ
тотъ же вопросъ по существу, какъ я понималъ объясненія на основаніи сво-
его долгаго знакомства съ восточномъ.

Политическое положеніе Ферганъ и вообще Тур- кестана.

Слѣдуетъ откровенно признать, что русское управленіе Туркестаномъ не
охраняло казавшихъ туземцевъ. Это очень ясно вытекало изъ неотвѣтствен-
ности А. В. Куропяткина, когда онъ прибылъ въ Ташкентъ 8 августа 1916 года
вслѣдъ за своимъ назначеніемъ на постъ туркестанскаго генерала губер-
нскаго. Онъ, между прочимъ, размышлялъ, какія крестьянскія отноше-
нія были у туземцевъ 50 лѣтъ тому назадъ, какъ дружелюбно они относи-
лись къ русскимъ, и что тогда показались бы немалыми восстанія тузем-
цевъ противъ русской власти; а теперь объ этомъ говорить... Онъ закла-
залъ, какъ его поразилъ страхомъ, что ни въ одномъ министерствѣ ему
не могли объяснить, какого плана прилагается у насъ при управленіи
Туркестаномъ и въ чемъ заключается бесовская наша программа.

Нѣтъ этиа слезы и боязли, какъ явлено отсталъ въ послѣднее время А.
Куропяткинъ отъ своей администраціи, иначе ему не могли бы и прийти въ
голову иблѣ обратиться съ такими допросами въ наши министерства. Все
горе и состояло въ томъ, что ни у кого никогда никакого плана и никакой
программы не было, кромѣ того плана и той программы, какія логически
вытекали изъ самой структуры административной машинки, возложившей и
централизованной; но на оставленной яснаго представленіи въ организаціи вре-
менины; случайныя носители власти. И планъ, и программа заключались
въ законата, но законъ, часть не исполнялись, часть объяснялись
повелѣніями, инструкціями, а то такъ и просто, многими распоряженіями
генерала губернскаго, мало знающаго съ кромѣ. Изъ первоначаль-

Никто законов постепенно вытравлялся весь путь, потому что забываясь и, в конце концов, управление велось, можно сказать, циркулярно, не только не связанными с законами, но противоречащими основным законам. Можно сослаться, на подтверждение сказанному, на законы о войсках, на законы землеустроительные, на земские управление, на переселенческие дела. Туземцы ослышались распоряжения у русского правительства слова об дилемме. Когда я, одно время был, помощником губернатора Самаркандской области (в 1908 году), образованные туземцы представляли мне, по какому вопросу, закону, где ясно пролегла параллель между восстанными узбеками смирившимся генералу губернатором об удалении русского правительства к обычному праву туземцев и между печальной действительностью управления, постепенно отменяется у туземцев все и ничего не даваяго волеизъявления. В конце моего пребывания в Туркестане появились проекты об управлении туземных народных судов и землей их русскими мирскими судьями, что означало бы, при многих условиях, фактическое упразднение всякого низшего суда.

Идея эта большая, и ее задачу настоящего волеизъявления не входит очерчивать ее. Я хотел только не быть совершенно голословным при выражении мысли, что такое управление накопило для туземцев очень много данных для того, чтобы чрез дальнейшие переделки и чтобы

мысли туземцев обратились в сторону отвлечения от России от одной власти, при чем у вождей, да и у населения, образовалось впечатление, что "оазис" Туркестана от России идет быстрыми шагами вперед. Что волеизъявление для централизации власти в Петербурге; что больше обесценилась власть генерала губернатора и многих губернаторов, что больше нарушения нужды местного населения приносилось на карту разных проектов, сочиняемых в отдельных ведомствах и в Петербурге, что сильнее вырвалась прелесть между населением и высшим правительством, и росло взаимное недовольство.

И, тем же путем, возникшая летом 1916 года в Туркестане безобразия не имели никакого отношения к тем условиям, на которые указывало Охранное Управление в своей оценке местного политического положения, т.е. низкого отношения к бунту против Берковской власти.

Об внешней стороне это доказывает тем, что при надлежавшем обращении военного губернатора с населением и надлежавшем управлении, население Ферганской области усмирилось и стало отстать и давать рабочих для Амударьинской армии: со стороны этой стороны это доказывает особыми современными условиями, в которых находится мусульманское население не только Ферганы, но и всего Туркестанского края. Условия эти чрезвычайно счастливы для для Русского Правительства.

Главное счастье для Русского Правительства, что мусульманское население Туркестана не имеет в настоящее время того конкретного мусульманского центра, около которого оно могло бы ослепно и с видимой надеждой на успех объединиться для восстания против русской власти.

В настоящее время таким центром считалась Турция. Однако, события последнего десятилетия в Турции отдалили насчет мусульман от нас. Это требует выяснения.

За последние 30 лет государственное управление в Турции значительно вышло от прежнее, старо-мусульманское управление со стороны образованности европейской: школы, из которых, еще в 1870 году, были приняты 3/4 всех земель в государство, утратил себе быстрое значение; были основаны школы, средние и высшие школы севтские; по европейскому типу, совершенно заменились собой прежнее мусульманские мактабы и мадрасы, окружные суды, руководствовались кодексом Ислама, переведенным на турецкий язык, отодвинули на задний план прежнее мусульманские суды, руководствовались кодексом и вариациями, при чем следует иметь в виду, что весь турецкий класс образованных мусульманов старого завета не отделился от мусульманской цивилизации, написанной на священной языке Корана, и на изучение этого языка и этой науки интеллигентные мусульмане старого завета тратят по 20 и 25 лет; объявленное в последние года равноправие всех исповеданий велело не только в среду чиновничества, но и в военную среду христиан и евреев; ограничение власти султана турецким парламентом уменьшило значение султана как халифа.

В Туркестане мусульманское население богаче, последние 50 лет, видя всякого политического воздействия со стороны русского управления: оно жило своей обособленной жизнью, свободно отдала своих детей в низшие мусульманские школы - мактабы, а затем в высшие - мадрасы; оно имело свой народный суд, свое выборное туземное административное управление продолжали существовать; оно совершенно не знало русского языка; никто из туземцев не состоял на государственной службе, не нес военной повинности. Были две чуждые друг другу мира: русские - в роли управителей, и мусульмане - в роли управляемых. Связь между ними состояла только в требованиях и уплаты донатов, в излозении и отбывании наказания.

Если признать, что всякий фанатизм коренится в конце концов, в личных интересах руководящего, более интеллигентного слоя населения, то следует сделать вывод, что туркестанские туземцы, строго, высшая, духовная, руководящая сословие утратило в своем значении, влияния и в личную материальную благость, гораздо меньше, нежели также в сословие в Турции, и поэтому относительно нет никаких оснований предполагать у туркестанских мусульман стремление отойти от России и теснее прижиться к Турции.

Приведенные исторические параллели не оставляют для туркестанских мусульман какой-нибудь неосознанной отвлеченности: они прекрасно связаны со всеми современными условиями турецкого управления по элементарным, историческим параллелизмам в Иерусалиме Константинополе. Из одной Ферганы вылетает ежегодно свыше 5,000 валамических паспортов. Турецкие власти расхаживают, из-за тому же, навстречу мусульманам крайне подозрительные к ним всеми отношениями, например: только одним русским мусульманам заранее приобретать на собственность земли в пределах области священной войны. Современная Турция туркофанские мусульмане называют "гяурск", и к ней не тянутся и не могут тянуться по самому смыслу важного положения.

Иного самостоятельного, мусульманского государства, которое служило бы для навстречу мусульманам в Туркестане центром притяжения, выжить нет, Персия - страна дингов, претиков, да и чувств по расе и по языку.

Остаются: Афганистан, Бухара и Хива.

Из этих трех государств Хива служила входить к себе область претия, Бухара пользуется уважением, Афганистан - мало известен, с ними почти нет никаких сношений.

Бухара пользуется уважением потому, что там сосредоточена вся мусульманская ученость; в ее мадрасах продолжают учиться те, кто кончили курсы наук в мадрасах остальных городов Туркестана. Из-за этого и Русское Правительство и верные русские Государя всегда оказывали гораздо больше внимания бухарскому эмиру, нежели Хивинскому хану.

Каждое из названных трех государств представляет собой удобную базу для иностранных интриг против России на почве мусульманского фанатизма, и никак нельзя сказать, что таковы попытки не было или не будут. Скорее наоборот, даже не ввязаясь в область тайных разведки и шпионажа, можно с уверенностью сказать, что таковы попытки были и будут, ибо во жизни проявляются и борются всякие течения мысли и воли, идейные и материальные интересы. В этом отношении, т.е. в смысле базы для иностранных интриг Бухара представляет собой наибольший интерес для нас.

Однако, разве лишь крайность способна толкнуть туркестанских мусульман броситься в объятия Бухары. Крайность такая может возникнуть, например, в том случае, если колониальное учение относительно национализации земли, упразднения земельной собственности и т.д. начнет путать умы мусульман, совершенно невосприимчивых к таким учениям: в отрывке от искусственных сдержек и сдержек уже наглядно все необходимость личной земельной собственности; к тому же и корану, и шариату чужды эти модные учения.

Базой своей во крайности, туркестанские мусульмане не станут никогда на Бухару, — для этого все прежние истории Бухары не представляли для них обязательных воспоминаний, — ее особенности во Фергана не могли иметь на то склонности. История Ферганы, этого бывшего командного участка наполнена безпрестанными войнами с Бухарой; уже с тех пор она стала бы стремиться к независимости, но и туль воспоминания отряхивая господством киргизов, меньшинства имело огромные богатства, обширного скотоводства, сартовского населения.

Таким образом, никак нет оснований к предположению, что беспорядки, возникшие во Ферганах и во всем Туркестане во июле 1916 года, произошли на почве восстания туземцев против русской Ферганской власти.

История русского владычества знает только одно восстание во Ферганах, именно майское 1898 года, после воссоздания Кашгарской области; но следует признать, что никто иной, как сама русская колониальная власть, во своем, можно сказать, невежестве и непонимании насущных нужд туземного населения, довела его до отчаяния, именно, когда, вопреки точному постановлению закона, 1888 года, обеспечивавшему всему кочевому населению право собственности на землю, которыми население с незапамятных времен пользовалось и распоряжалось, она вдруг отобрала земли пашенные и необработываемые, крайне нужные во всяком хозяйстве. Сильнейшим раздражением распорядился генерал-губернаторе и последующим образом среди населения, установленная во "Журнале Государственного Совета" за 1900 год № 54 (стр. 6).

Во заключение следует сказать, что именно события последних лет во Ферганах и во всем Туркестане представляли

наглядно показывали, что у населения и за рубежом не было возмущения на политическом почве. Эти два года были временем патристического подъема нации мусульман в пользу русских войск. Отныне только просматривать для проверки настоящие копии слов, соответствующих номера местных газет, где упоминалось, что какими почестями встречались мусульманами на всех железнодорожных станциях и арестовались русские войска, уходившие на фронт; население встречало их с мушкетом, устраивало обильные угощения. В архивах областных правлений можно найти телеграммы командиров частей от просьбы передать местному мусульманскому населению благодарность за оказанное войскам сочувствие и пожелание победы. Лично на мое имя поступило несколько таких телеграмм. Наконец, по всему Туркестанскому краю мусульманское население собрало по добровольной инициативе собор подписки и пожертвования денег на пользу оставших семей запасных, нижних чинов и в пользу раненых воинов. В одной терганской области было собрано до 2.000.000 рублей, которые и тратились по прямому назначению, главным образом, в местном отделении Кавказского комитета, а также в татарском комитете. Комитетские органы продолжали поступать и летом 1916 года. Но война удерживала, создавала на эти пожертвования, опубликованы военные отчеты, все местные читали все это звонко. Можно бы спросить этих господ, которые вранто, в расчете на неосведомленность Петрограда, так легко упустили в оборот объяснение бывших летом 1916 года безосновательных версий политического брожения среди мусульман: как же связать от такое версий все указываемые мной несомненно, конкретные факты, свидетельствующие о совершенно обратном явлении?

Безоспорно вспыхнул внезапно, потому что внезапно была телеграмма Иткмера и настоятельно были его требования исполнения Высочайшего Повеления, когда, по здравому смыслу, оно было невыполнимо на основании телеграммы Иткмера от 29 июня. На чем же основаны дальнейшие сомнительные, обличившие в противоречивых объяснениях, когда все руки имеют объяснение простое, ясное, логическое и достаточное?

Я имею возможность заключить свое показание приведенных копии телеграммы, отправленной мне из Тергана 5 сего июня с.г. и полученной мной уже после того, как все выше изложенное было мне написано.

* Петроград: Туркестанская генерал-лейтенанту Гиппиусу. Номер телеграммы 1810; в Петроград почтой из Самары:

* Областной Совет делегатов войск мусульманских организаций, в заседании 14 июня постановил выразить Вам личную благодарность за полезную Вам деятельность в качестве губернатора области вообще и особенно за внесение Вами успокоения среди населения во время набора туземных рабочих в 1916 году; достоинств и примеров раскрепощения старого правительства, но особенно ценно бытовые особенности населения. Подробно почтой. Президиум счастливо особенно заслуженное Вами постановление. Председатель Совета агроном Иргуди Агаев, товарищ председателя Мирз Ахмедович, секретарь Абиджан Махмудович.

Обращенная телеграмма вполне соответствует своему смыслу сдвоенной

иное сѣнки бываго въ іюлѣ 1918 года политическаго возмущенія въ Туркестанѣ, въ частности - въ Ферганѣ, и никакъ не вытекаетъ изъ версїи объясненія бывшихъ тамъ въ 1918 году безпорядковъ бунтомъ противъ Верховной власти.

С
Секретарь - [неясно]

В. П. [неясно]